

Её лицо дрогнуло, глаза пристально уставились в меня. Я, не моргнув, встретила её взгляд и отчеканила: «Твой отец сейчас в ожидании назначения, верно? Ныне наследный принц управляет государством, все мелочи проходят через его руки. Как думаешь, если я пойду к моему брату-наследнику и попрошу его подыскать твоему отцу местечко, что из этого выйдет? Был адъютантом, теперь со стажем может подняться до старшего чиновника. Чжэньчжоу, к примеру. Или Лунчжоу. Мой двоюродный брат оттуда только что вернулся, слышала, местные строптивы, да и малярия свирепствует — чиновникам там несладко. Но не беда: твой отец ведь из восточной ветви клана Вэй из Цзинчжао. Знатный род, славные традиции — уж он-то наверняка сумеет наставить народ на путь истинный и управлять краем от имени двора. Конечно, если он туда отправится, вам всем придётся ехать с ним. Тебе скоро пятнадцать, если уедешь в такую даль, брак можешь пропустить. Так что, может, я ещё разок к матушке схожу, выпрошу милость — оставить тебя при дворе? А когда время придёт, подберу тебе хорошую партию. Брак, благословлённый самим Сыном Неба, с именитым женихом. Как думаешь, смогу ли я, принцесса Чанлэ, выпросить у брата-наследника и у матушки такие милости?»

Лицо Вэй Хуань переменялось.

— Вот видишь, — холодно усмехнулась она, — потому-то я и не могу общаться с тобой на равных. Ты принцесса, с рождения наверху. Пока мы дружны, ты, конечно, любишь меня и защищаешь. Но стоит милости иссякнуть и тебе вздуматься меня покарать — средства у тебя найдутся. Историю о Ми Цзыся, которого сперва хвалили, а потом казнили, ты ведь читала? Неужели не понимаешь? Я всего лишь побочная ветвь клана Вэй. Отец мой незнатен, материнского рода у меня нет. Её Величество привела меня во дворец лишь для того, чтобы я была твоей забавой. Таким, как я, если сами о себе не позаботятся, разве можно надеяться на такую «дружбу»? — К концу речи голос её зазвенел, в нём послышались слёзы.

Весь мой гнев неожиданно растаял. Я наклонилась вперёд, схватила её за руку.

— Если бы ты и вправду думала только о себе, таких слов мне бы не говорила. Когда ищут выгоды, ненависти не бывает. А твоя ненависть — оттого, что я для тебя не безразлична... Я никогда не поступлю с тобой, как в старину поступили с Ми Цзыся.

Она вырвала руку.

— Твои чувства переменчивы, что ж мне делать? А-Ян была твоей кормилицей, ты её любила — и где она теперь? Ты обычно панибратствуешь со служанками, а стоит чему случиться — кричишь и бьёшь. Будь ты простой дворцовой, разве пинала бы и била людей в гневе? Просто ты принцесса, и никто не смеет тебя остановить. Пока ты во дворце, над тобой ещё есть двое Владык. Но выйдешь замуж, получишь собственные палаты — и все вокруг будут жить по твоей воле. Их жизнь и смерть, почёт и позор будут зависеть от тебя. Они даже не льстецы — просто твои слуги, твои собаки! Ты хочешь нашей дружбы, чтобы я в будущем стала такой? Стала твоей собакой? Игрушкой в твоих руках?

Я никогда об этом не задумывалась. Оглядываясь на последние десять с лишним лет, я, конечно, считала себя просвещённой и справедливой. Но, живя среди роскоши и лести, и впрямь порой становилась избалованной и своевольной. Мои прежние служанки были мне близки, но когда матушка их изгнала, я, кроме самой малой помощи нескольким, ничего не сделала. Если служанки мне не угождали, в хорошем настроении я могла и промолчать, а в дурном — отругать без всяких колебаний. Будь это в моё прежнее время, меня бы наверняка прозвали «конченой» или «принцессой» и сторонились. Но здесь никто не смеет меня сторониться — напротив, они гордятся, что могут прислуживать принцессе, пусть даже их бранят и бьют. Хочу я того или нет, я изменилась. Стала совсем не той, что была. А жизнь моя

здесь только начинается. Пройдут десятилетия — и кто знает, какой я стану? И сама не ведаю.

Вэй Хуань была права. Таким, как я, дружба с ней не принесёт пользы. Она не хочет быть моим Ми Цзыся, а я не хочу, чтобы она стала наложницей — чем тогда она будет отличаться от прочих? Но во дворец-то она попала через меня. По воле матушки, она должна стать моей служанкой. Хочет она того или нет, она — моя. Раз не хочет быть Ми Цзыся, пусть будет моим Чжун Шу Юй, Чжу То или Ван Сунь Цзя — моей опорой, доверенным лицом. Разве это не больше похоже на... «дружбу»?

Лишь в этот миг до меня дошло. Я пристально посмотрела на Вэй Хуань и твёрдо сказала:

— А-Хуань, будь спокойна. Я буду видеть в тебе свою опору. Буду уважать тебя, ценить. Мы разделим и радость, и горе. До конца жизни я тебя не предаю.

Почему-то я не смогла сказать «уважать и доверять». Вэй Хуань, конечно, заметила. Она взглянула на меня, опустила глаза и промолвила:

— Дай бог, чтобы сердце твоё не изменилось.

От матушки и Ваньэр я узнала лишь про некоего «У Далана». Но на следующий день после Личуня явился человек десять, не меньше. Кроме У Миньчжи, все были одеты в синее или зелёное — даже светло-красного не было. Лишь наборы из семи предметов на поясах хоть как-то напоминали о том, что они потомки заслуженных родов. У Миньчжи же щеголял в пурпурном халате да ещё и с золотым мешочком для рыбьих табличек — смотрелось так, будто он явился не на «семейный обед», а на новогодний приём. Странно.

Родители же, напротив, выглядели великолепно. Хотя и не в парадных придворных одеждах, но оба были в полных церемониальных нарядах, с коронами, заколками и нефритовыми подвесками — являли собой поистине императорское величие. Даже Ли Шэн восседал рядом с ними в полном облачении наследного принца. Ли Жуй, под предлогом «укрепления семейной привязанности», явился во дворец с самого утра: сначала присутствовал на моих (и моих спутниц) уроках, потом настойчиво позвал нас играть в цуцзюй во дворе. Вспотев, он настоял, чтобы искупаться в моих покоях, переоделся в хранящуюся там свою старую одежду и затем поспешил со мной на пир. По дороге он только и говорил, что о том, удастся ли повидать какую-нибудь изящную двоюродную сестрицу. Рассуждал он так: раз бабушка была величественна, матушка прекрасна, а я «сносна на вид», то и дочери их рода должны быть хороши. Явился он, полный надежд, а вместо изящных дев увидел кучу деревенских мужланов. Лицо его стало крайне занимательным. Я же, видя, что родители и брат одеты столь торжественно, а я — в простой домашней одежде, слегка смутилась. Пеняла служанкам матушки, что не предупредили, но потом сообразила: вероятно, так и было задумано. Собравшись, я шагнула вперёд, опередила Ли Жуя, и, не кланяясь в ноги, а лишь слегка склонив голову, приветствовала их. Ли Жуй, хоть и не понял, в чём дело, последовал моему примеру и тоже поклонился с улыбкой.

Матушка, до того невозмутимая, при виде нас расплылась в улыбке и протянула руки:

— Чжину, Сыцзы, идите ко мне.

Отец же лишь вяло взглянул на нас и мягко пожурил:

— Двоюродные братья пришли, а вы в таком виде?

Он закашлялся. Матушка, одной рукой похлопывая его по спине, другой знаком подозвала нас:

— Семейный обед — дело неформальное. Не будем их стеснять.

Отец кашлял всё сильнее. Он махнул нам рукой. Мы с Ли Жуем сделали несколько шагов вперёд. Отец бросил на Ли Жуя взгляд и указал на место рядом с Ли Шэном. Тот, нехотя, отступил и сел ниже. Я же подбежала к матушке. Она прижала меня к себе, стала гладить. В последнее время мне уже наскучила такая ласка, я попыталась вывернуться, но матушка удержала меня. Она многозначительно взглянула на меня, похлопала по плечу, развернула лицом к собравшимся и, обняв за шею, поправила мне волосы.

— Это ваша двоюродная сестра, — улыбаясь, объявила она. — Феод — Чанлэ, домашнее имя — Сыцзы.

Все десять с лишним человек склонились в поклоне. Кто называл меня «двоюродной сестрой», кто «принцессой», кто «принцессой Чанлэ» — голоса звучали на разные лады, с акцентами Бинчжоу и Цзяочжоу, а то и с примесью минских или чжэцзянских говоров. Воспитанная матушкой, я не смела проявлять высокомерия и поспешила было ответить поклоном, но матушка не отпустила меня. Лишь когда все закончили приветствия, она неспешно произнесла:

— Чжину, Сыцзы, познакомьтесь со старшим братом, Чэнсы.

<http://bllate.org/book/16278/1466202>